

Со Фэю не давал покоя один вопрос. Ему очень хотелось узнать, что произошло после того, как он потерял сознание. Как Самаэль сумел справиться со всей этой армией и чем всё закончилось?

Но после того, что он натворил, спросить напрямую он не решался. Самаэль ни словом его не упрекнул, но Со Фэй видел, что тот всё ещё сердится. И он понимал, почему. Стоило лишь представить обратную ситуацию... Если бы Самаэль однажды подчинил его волю и заставил собственными руками убить себя, Со Фэй наверняка обезумел бы от горя.

К счастью, в самый последний миг Самаэль смог переломить ход событий и предотвратить трагедию. Что было бы иначе, Со Фэй не хотел даже представлять. От одной этой мысли сердце болезненно сжималось.

Поэтому чувство вины не отпускало его ни на миг. Его намерения могли быть сколь угодно благородными, он действительно хотел защитить Самаэля, но это ничего не меняло. Он нарушил своё обещание и обрёк Самаэля на боль, страшнее которой для него не существовало.

Он знал, что у Самаэля доброе сердце, особенно когда дело касалось самого Со Фэя. Ещё до пробуждения тот никогда не сердился на него по-настоящему. А после, вернув память бога разрушения, стал относиться к нему ещё бережнее. Именно поэтому, несмотря на пережитый ужас и гнев, он не упрекал Со Фэя и не требовал объяснений.

И от этого было только больнее. Он понимал, что зашёл слишком далеко, и все эти дни из кожи вон лез, пытаясь хоть немного искупить вину.

Он буквально ходил за Самаэлем по пятам, каждый день придумывал новые блюда, а стоило тому о чём-нибудь попросить, как он без малейших возражений соглашался. И это было далеко не всё. Когда дверь спальни закрывалась, Со Фэй становился ещё покладистее. Он сам себе поражался: никогда в жизни он не был таким послушным...

Самаэль, разумеется, всё это видел и понимал, что творится у него в голове. Но он вовсе не был так великодушен и благороден, каким считал его Со Фэй.

Прошло уже немало времени, но картина, как Клинок Асуры пронзает грудь эльфа, по-прежнему возвращалась к нему во сне. Тот миг был навсегда выжжен в его памяти. Сокрушающее отчаяние и боль, пронизывающая до самых костей, поглотили его без остатка, а нахлынувшее вслед за этим чувство собственного бессилия окончательно ввергло его разум во тьму.

Он снова и снова видел, как смерть забирает тех, кто ему дорог. Как всё, что он любил и пытался защитить, рассыпается прямо у него на глазах. словно вода, утекающая сквозь пальцы, которую невозможно удержать.

А потом бессилие уступило место другому чувству — яростному, безжалостному желанию

обладать и не отдавать никому. В тот момент ему хотелось убить эльфа, убить всех, а после убить себя самого. Пусть весь мир исчезнет. Если тебе никогда ничего не принадлежало, то и терять нечего. Если ты никогда не знал счастья, то и ад уже не кажется таким страшным.

Соблазн ядовитой змеей вполз в его мысли, искушая и маня. Всего один шаг, и больше не будет ни потерь, ни предательств. Ведь если исчезнет всё, чего тогда бояться?

И всё же в последний миг он сумел остановиться. И вдруг словно наяву вернулся в лес Ноэль — место, где они впервые встретились.

Самаэль увидел юного хрупкого эльфа, такого уязвимого на вид. Серебристые глаза растерянно смотрели на него, но за этой растерянностью скрывались негибемая воля и удивительная сила духа, совсем не соответствующие нежному облику.

Он видел, как тот смотрит на него — ошеломлённый, доверчивый, совершенно беззащитный. Это был Сайфер. Его Сайфер.

На губах Самаэля появилась едва заметная улыбка. Осторожно взяв эльфа за подбородок, он нежно коснулся его губ своими.

Этот несмелый поцелуй словно вернул сердце Самаэля на место, и безумие разжало хватку. Ещё ничего не кончено. Он хотел лишь одного: чтобы эльф жил, чтобы оставался рядом всю жизнь, до самого конца.

Со Фэю ужасно хотелось узнать, что произошло потом, но спрашивать у Самаэля он не решался. Не хватало ещё вновь беречь едва затянувшуюся рану. Он столько сил потратил, чтобы Самаэль снова начал улыбаться, и не собирался ворошить прошлое.

Но любопытство не отпускало. Особенно его интересовала судьба Линдиора и остальных. А раз Самаэля спрашивать нельзя, оставался Хель. Из всех, кто тогда был там, он казался самым надёжным свидетелем. После возрождения его народа Хель почти всё время проводил среди драконьих яиц, а когда начали вылупляться малыши, просто души в них не чаял.

Со Фэю это казалось невероятно милым. Несколько раз он и сам пытался поиграть с одним из дракончиков, но быстро понял, что малыш вовсе не так безобиден, как кажется. Управлять своими способностями тот ещё не умел: стоило ему разволноваться, обрадоваться или рассердиться, как из ноздрей начинал валить горячий пар, а из пасти вырывался сноп искр.

После того, как Со Фэя несколько раз хорошенько подпалили, он предпочёл держаться от маленького чуда на безопасном расстоянии. Зато Хеля это совершенно не смущало. Его безупречный образ заметно пострадал: то волосы подпалены, то лицо в саже. Но он и не думал сердиться и с поразительным терпением ухаживал за малышами, словно был прирождённой няней.

Глядя на это, Со Фэй только вздыхал. Улучив момент, он всё-таки расспросил Хеля о событиях того дня. Теперь дракон относился к нему с искренним уважением, ведь именно он вернул к жизни его народ: если совсем недавно он смотрел на Со Фэя с недоверием, то сейчас был готов едва ли не в ноги ему кланяться.

Увы, пролить свет на случившееся он не мог: его сознание подавил Сальвадор, и Хель ничего не помнил. Со Фэй был ужасно разочарован. Если даже Хель ничего не знает, то остальные вряд ли смогут чем-то помочь.

Пришлось расспрашивать Наэля. Кроха дулся на брата и смертельно скучал из-за того, что тот всё своё время проводил с драконятами, поэтому появление Со Фэя пришлось как нельзя кстати. Стоило задать вопрос, как Наэля словно прорвало. Он принялся болтать без умолку, явно намереваясь выплеснуть всё, что накопилось на душе.

Вот только содержание рассказа оказалось весьма своеобразным...

Со Фэй устало прикрыл лицо ладонью. «Друг мой, ну хорош уже хвастаться. Я больше не могу слушать, как ты одним выдохом спалил целый ряд по горизонтали, вторым ещё ряд по вертикали, потом крылом смёл всех по диагонали, а под конец целую толпу прихлопнул хвостом!»

К концу рассказа Со Фэю казалось, что уши сейчас свернутся в трубочку. И за всё это время он так и не услышал ни слова о том, что делал Самаэль. Не выдержав, он спросил об этом напрямую.

Наэль растерянno захлопал глазами, долго думал, а потом неуверенно пробормотал:

— Братец Самаэль... он... м-м-м... ну-у-у... — его мордочка смешно сморщилась. — Он был такой маленький, а я такой большой... я за ним особо не следил...

«Ну всё, блин, приехали.»

Отказываясь так просто сдаваться, Со Фэй спросил о Линдиоре и Грандлине.

— Лин... ди... чего? — с недоумением переспросил Наэль. — А что за Грандлин? Это пирог какой-то?

Молча потрепав его по макушке, Со Фэй решил, что продолжать бессмысленно. Пусть дальше играет, что с него взять...

Была ещё небольшая надежда на священного зверя. Конечно, временами он был тем ещё оболтусом, но в серьёзные моменты обычно не подводил. Во всяком случае, доверия он внушал куда больше, чем Наэль... Как оказалось, зря.

Отыскав священного зверя, Со Фэй расспросил его о событиях того дня. Тот, к счастью, не стал с упоением перечислять собственные подвиги. Линдиора и Грандлина он, конечно, знал, и логично было предположить, что уж он-то сможет рассказать хоть что-нибудь.

Со Фэй с надеждой посмотрел на него. Смущённо почесав за ухом, тот отвёл взгляд.

— Э-э... это... если честно... я тоже не обратил внимания.

— Да как так-то? Самое важное умудрился пропустить?! — Со Фэй не сдержал досады.

Его слова словно повернули невидимый ключ, и священный зверь оживился.

— Ты просто не понимаешь! Со мной тогда тако-о-ое случилось! Настоящий прорыв! Эволюция!.. — вздохнул рассказывая он с сияющими от восторга глазами.

У Со Фэя появилось очень нехорошее предчувствие.

— Влюбился, что ли? На кого глаз положил?

— Ничего я ни на кого не положил. Зачем мне на кого-то смотреть? — с непонимающим видом отозвался тот.

Со Фэй незаметно выдохнул. Только первой любви им сейчас для полного счастья не хватало. Священный зверь продолжал с прежним энтузиазмом:

— Я обнаружил, что оружие тоже можно есть, и оно ужасно вкусное! Причём у каждого вида свой вкус. Посохи совсем не такие, как луки, а мечи и сабли совсем разные, представляешь? И потом чувствуешь себя таким бодрым и сильным! Ты тоже обязательно попробуй, просто пальчики оближешь, вот увидишь...

«Блин, чего ещё ждать от этого обжоры...»

Две неудачи подряд...

Оставалась последняя, совсем слабая надежда на огненного пухляша. Когда Со Фэй нашёл его, тот был целиком поглощён игрой. Разделившись на множество маленьких кубических пухликов, он весело скакал туда-сюда.

Со Фэй пригляделся... Да это же идеальный конструктор! Размер кубиков можно менять, и потом строй, что душе угодно. У него тут же зачесались руки. Видя, что элементарно старательно, но не слишком ловко пытается соорудить что-то красивое, Со Фэй с азартом

бросился ему помогать...

Сначала у них получился огромный пароход, потом длинный поезд, а после к ним присоединились Наэль и священный зверь, и работа закипела с новой силой. Они сообща возвели целый замок и так увлеклись, что только искры летели.

А что именно собирался узнать Со Фэй? Главный участник расследования благополучно об этом забыл.

Только вечером, уже вернувшись домой, он с досадой хлопнул себя по лбу. Он так ничего и не выяснил! Конечно, его маленькие хитрости не укрылись от Самаэля, но видя, что Со Фэй сам не возвращается к этой теме, он тоже ничего не говорил.

Линдиор убит, Грандлин бесследно исчез, а «Восставшие против небес» окончательно прекратили существование. Позже прибыл Харрис, чтобы разобраться с последствиями случившегося и навести порядок.

Самаэль сумел отпустить свою ненависть. И хотя воспоминания никуда не исчезли и пережитое навсегда осталось частью его самого, он больше не собирался жить одной лишь жаждой мести, уничтожая врагов одного за другим. Но и сделать вид, будто прошлого никогда не было, он тоже не мог.

Драконы возродились и вернулись в Яланс уже иными, чтобы начать жизнь заново.

Самаэль ни о чём не жалел: именно этого он и хотел. Прошное должно оставаться в прошлом. Если бы драконы вернулись вместе со своими воспоминаниями, с накопившимися ненавистью и болью, Яланс неизбежно захлестнула бы новая война.

Лишившись памяти о прошлом, они избавились и от его тяжкого бремени. И, возможно, это и был самый счастливый исход.

<http://bllate.org/book/14660/1737979>